

УДК 93/94

**ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XIX В. И ЕЕ МЕСТО
В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА
НАРОДОВ КУБАНИ¹**

С.Л. Дударев

**POLISH EMIGRATION IN THE NORTHWESTERN CAUCASUS
IN THE FIRST HALF – MIDDLE XIX CENTURY AND ITS PLACE
IN THE FORMATION OF HISTORICAL AND CULTURAL PARTNERSHIPS
OF THE PEOPLES OF KUBAN**

S.L. Dudarev

Аннотация. В ракурсе преподавания в высшей школе курсов по выбору о формировании историко-культурного партнерства народов Кубани важно указать и на то, что в процессе историко-культурного взаимодействия в северо-западно-кавказском регионе, особенно такой его части, как территория Кубани, известную роль сыграли представители польского народа.

К оценке значения польской эмиграции в историко-культурных и т. д. процессах на Кубани недавно обратились известные северокавказские ученые-историки Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян. Их исследование имеет высокую актуальность. Вся последующая история XX и начала XXI в. показывают, что внешние силы стремились и стремятся оторвать Кавказ, особенно северную его часть, от Большой России. Геополитическая роль этого региона – солнечного сплетения Евразии (А.А. Жданов) сегодня велика как никогда. Авторы сумели квалифицированно продемонстрировать роль польской эмиграции в обострении ситуации на Северном Кавказе, которая играла провоцирующую роль в западной части Региона, Черкесии, стремясь консолидировать местные политические силы для организации сопротивления Российской империи. Они показали далеко идущие планы польских инсургентов, которые не только стремились добиться восстановления польской независимости (что само по себе было важной исторической задачей польского народа), но реализации этой задачи через развал Российского государства, что принесло бы неисчислимые беды народам нашей страны. В то же время ученые очень точно указали на то, что планы польской эмиграции в своей основе были утопическими, поскольку она была, за редким исключением, слабо знакома со спецификой Кавказа, его социокультурным и политическим устройством, ментальностью его народов и этнических групп, и не отдавала себе отчета в том, что центробежные силы, на которые она пыталась опираться, в целом были гораздо слабее центростремительных, что особенно ярко выявилось в событиях XX в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26».

Как это ни парадоксально, но потомки польских эмигрантов XIX в., занимавших неодинаковые позиции по отношению к российским властям, живущие ныне на Кубани, составили основу современной польской общины края. История все расставила на свои места. Те, предки которых были не только лояльными Российскому государству, но и боролись против него, сегодня вносят свой вклад в дело строительства новой России.

Abstract. From the perspective of teaching elective courses on the formation of a historical and cultural partnership of the peoples of the Kuban in institutions of higher education, it is important to point out that in the process of historical and cultural interaction in the North-West Caucasus Region, especially in such a part of it as the territory of Kuban, a certain role was played by representatives of the Polish people.

The well-known North Caucasian historians Yu.Yu. Klychnikov and S.S. Lazaryan addressed an assessment of the significance of Polish emigration in historical, cultural and other processes in Kuban. Their research is of high relevance. All subsequent history of the XX and the beginning of the XXI century show that external forces have sought and are striving to tear the Caucasus, especially its northern part, from Greater Russia. The geopolitical role of this region as the solar plexus of Eurasia (A.A. Zhdanov) today is greater than ever. The authors were able to skillfully demonstrate the role of Polish emigration in the aggravation of the situation in the North Caucasus which played a provocative role in the western part of the Region, Circassia that tried to consolidate local political forces to organize resistance to the Russian Empire. The authors showed the far-reaching plans of the Polish insurgents who not only sought to achieve the restoration of Polish independence (which in itself was an important historical task for the Polish people) but to carry out this task through the collapse of the Russian state, which would have brought innumerable misfortunes to the peoples of our country. At the same time, the authors very accurately pointed out that the plans of Polish emigration were basically utopian since, with rare exceptions, the Poles were poorly acquainted with the specifics of the Caucasus, its socio-cultural and political structure, the mentality of its peoples and ethnic groups; they were not aware that the centrifugal forces, on which they tried to rely, were generally much weaker than the centripetal ones which was especially clearly revealed in the events of the 20th century.

Paradoxical as it may seem, but the descendants of the Polish emigrants of the 19th century who occupied unequal positions in relation to the Russian authorities, now living in Kuban, formed the basis of the modern Polish community of the region. History has put everything in its place. Those whose ancestors were not only loyal to the Russian state but also fought against it today are making their contribution to the building of a new Russia.

Ключевые слова: горцы, пленные поляки, польская эмиграция, инсургенты, легионеры, британские «спонсоры», отель «Ламбер», имамат Шамиля.

Keywords: gortsy, captured Poles, Polish emigration, insurgents, legionnaires, British "sponsors", "Lambert" hotel, Shamil's imamate.

В ракурсе преподавания в высшей школе курсов по выбору о формировании историко-культурного партнерства народов Кубани важно указать и на то, что в процессе историко-культурного взаимодействия в северо-западно-кавказском регионе, особенно такой его части, как территория Кубани, известную роль сыграли представители польского народа.

К оценке значения польской эмиграции в историко-культурных и т. д. процессах на Кубани недавно обратились известные северокавказские ученые-историки Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян. Их работа продолжает затронутую ими ранее тему нахождения военнослужащих польского происхождения среди горцев, враждебных России. Если первое исследование было посвящено, прежде всего, судьбам плененных горцами поляков [6], то нынешняя работа [7] касается и тех лиц польского происхождения, которые целенаправленно вели среди народов Кавказа деятельность, направленную на подрыв позиций Российской империи в этом регионе, в конечном счете, полное устранение ее с местной политической карты.

Первый раздел «Горцы Северного Кавказа и «польская справа» рассматривает место северокавказцев в политических планах тех польских сил, которые поставили своей задачей борьбу с Российским государством. Авторы отмечают, что среди поляков, находившихся в горской среде, были как беглецы из рядов российской армии, сосланные на Кавказ за участие в выступлениях против России, рассчитывавшие продолжить борьбу с ней с помощью жителей гор, так и те, кто прибыл сюда с этой же целью из европейских стран. Исследователи полагают, что поляки, будучи носителями европейских военных традиций, были опасными противниками русских, поскольку обучали горцев более передовому военному искусству. Это суждение важно не только потому, что польские инсургенты действительно обладали потенциалом, который мог пригодиться горцам, воевавшим с российской армией. Авторы приводят свидетельство одного из видных российских военных первой половины XIX в., генерала П.Х. Граббе, который указывал, что польские дезертиры способствовали обзаведению горцами артиллерией. Примечательно то, что еще до Граббе выдающийся российский военный деятель А.П. Ермолов указывал, что если англичане доставят горцам артиллерию и научат их военному искусству (имеется в виду искусству современной европейской войны; приемами своей традиционной горно-лесной войны горцы издавна владели в совершенстве), то россиянам придется укрепляться на Дону. Другими словами, Ермолов, по сути, предвосхитил роль европейцев в наращивании боевой мощи горских формирований, воевавших с российскими войсками.

В то же время, вряд ли стоит преувеличивать значение тех же поляков в оснащении горцев артиллерией, в чем особенно себя проявил поручик Якубович, он же Якуб-хан. Его деятельность относится, прежде всего, к Черкесии, а не территории имамата [9, с. 91]. Вообще же степень участия беглых поляков в горских формированиях, верно отмечена П.Э. Граббе, который подчеркивал, что выходцы из Польши в целом отличались в Кавказской армии примерным поведением. И этот вывод в наше время подтвердился интересным исследованием О.В. Матвеева, который выявил немало примеров доблести и следования воинскому долгу со стороны российских военных польского происхождения [11, с. 200–238].

В то же время и работа Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна является прекрасной иллюстрацией этого, польские беглецы из числа ссыльных были весьма опасны тем, что вели пропаганду, распространяя литературу патриотического содержания, переводимую на русский язык. Поляки были наиболее идейно заостренными из числа дезертиров из российской армии, многие из которых были отнюдь не «воинами-интернационалистами», воевавшими за «нашу и вашу свободу», но оказались в числе беглецов по совершенно прозаическим причинам, хорошо знакомым по контингенту пленных славян вообще (воровство, девиантное поведение, участие в рабовладельческом промысле и т. п.). [3]. Новые исследования молодого историка Н.С. Степаненко, подготовленные на материалах ГАКК, подтверждают это. При этом особым объектом польских пропагандистов было казачество. Авторы не пишут о причинах такого внимания поляков к казакам. Но, возможно, что, как польские ссыльные, так и эмиссары, действовавшие от имени «новой Италии и юной Франции», были в курсе того, что порой казаки проявляли серьезное недовольство переселенческой политикой властей, устраивая волнения, или даже бежали к горцам [3]. Но вернемся к теме казачества в польских планах ниже.

Среди поляков, действовавших на Северном Кавказе, действовали, как показано авторами, и явные авантюристы вроде некоего Полинского / Палинского, погибшего на р. Сочи от российского ядра, действовавшего в связке с хорошо известными английскими эмиссарами, Лонгвортом, капитаном Беллом и др., и возившего к горцам порох и проч.

Его фигура весьма примечательна для данной темы, как четкое свидетельство того, что услугами подобных личностей пользовался британский Foreign Office. Можно сказать, что за спиной таких польских «деятелей» угадываются очертания тогдашних «спецслужб» Его Величества, которые стремились всячески ослабить российское влияние на Кавказе. В планах англичан польские дезертиры играли, как явствует из рецензируемой книги, далеко не последнюю роль, как будущие легионеры, предшественники тех, которые действовали на Северо-Западном Кавказе несколько позднее, в середине XIX в. Поляки играли роль, как выразились авторы, ширмы для англичан, не желавших прямого столкновения с Россией.

Непосредственным координатором усилий представителей польской эмиграции в 1830-х гг. являлся известный британский резидент в Константинополе Д. Уркварт. Что же касается польской стороны, то ключевым узлом эмиграции, пытавшейся вести игру на Кавказе, была ее штаб-квартира в отеле «Ламбер» в Париже. Базой для непосредственной реализации замыслов британцев и эмигрантской верхушки должна была стать польская колония в Турции.

Исследователи шаг за шагом последовательно рассматривают деятельность ведущих фигур польской эмиграции на кавказском направлении. Планы польских революционеров были весьма масштабными. Предполагалось создание широкой коалиции польских сил с различными группами казачества, южных славян и кавказских горцев. Их конечной целью было воссоздание

Речи Посполитой в границах 1772 г., важным условием которой была революция в России. К числу ее главных сторон на кавказском направлении было создание буферных государств из Федерации мусульманских народов, Грузии и Армении. Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян совершенно правы, изначально крайне скептически оценивая эти проекты. Все те силы, на которые делали ставку польские инсургенты, были совершенно разрозненны, не имели никакой связи между собой, и, напротив, имели различные цели и интересы.

Впрочем, польские борцы против царского самодержавия, с одной стороны, понимали это. Лидеры польской эмиграции, такие как М. Чайковский и А. Чарторыйский, отлично осознавали интригующую роль тех же черкесов для российской администрации на Кавказе, которая весьма опасалась их использования европейскими силами. Но они же хорошо знали и о слабых сторонах своих горских партнеров – раздробленности и перманентной вражде между собой тех или иных группировок северокавказцев, особенно представителей верхушки, которые не желали в интересах борьбы с Россией поступаться своей независимостью, сложившимися приоритетами, авторитетом и пр. с такими лидерами как имам Шамиль и его ближайшие сподвижники, но не прочь были принимать подарки от русских властей.

Именно поэтому вожди польской «справы» делегировали на Кавказ Л. Зверковского, А. Высоцкого и ряд других польских деятелей предприимчивого, смелого и авантюрного склада, которые должны были способствовать сплочению горцев в антироссийской борьбе, а также доставляли горцам порох, снаряжение и пр. В круг обязанностей польских агентов, как указывают авторы, входили также разведка, разжигание этнорелигиозной розни, провокации, диверсии и пр. Впрочем, здесь стоило бы отметить и такую черту деятельности польских эмиссаров, как создание у горцев ощущения того, что «заграница нам поможет», с целью подпитки иллюзий о грядущей помощи извне, что в известной степени мешало части постоянно колебавшихся горцев в выработке пророссийской ориентации.

Оценивая результаты деятельности польской агентуры, исследователи стремятся выявить местную специфику среды, в которой тем приходилось действовать, что не могло не влиять на эффективность миссии европейских посланцев, не всегда понимавших мотивы поступков своих предполагаемых партнеров. Поляки, завсегдатаи стамбульских кофеен, годами ждавшие здесь сигнала о выступлении (что постепенно превратилось, на наш взгляд, в некую модную среди эмигрантов «политтусовку»), например, никак не могли взять в толк, за что дерутся казаки. Между тем, главным стержнем, олицетворяющим идентичность казачества, была православная вера [4, с. 52–53]. Казаки с огромной любовью строили и оформляли свои церкви, что (в отличие от поляков) увидели выходцы из Франции, побывавшие на Северном Кавказе (Ф. Жиль) [12, с. 268]. Нельзя не напомнить здесь, что вера была одним из ключевых звеньев в знаменитой формуле графа А.С. Уварова – «самодержавие, православие, народность». А что могли в перспективе, предложить польские инсургенты, неоднократно

пытавшиеся разыграть «казачью карту», но не желавшие понять основы мировосприятия этих сынов степей? Окаатоличивание и ополячивание? Это были вещи, категорически неприемлемые для казака.

С другой же стороны, мы думаем, что польские противники самодержавия, видимо, не располагали данными о реальных результатах политики российских властей в отношении интеграции горских обществ для лучшего управления ими (неудача Георгиевского договора 1802 г., провал миссии Хан-Гирея в 1837 г. и др.), что, возможно, помогло бы полякам более трезво оценивать перспективы своих политических замыслов в части понимания менталитета горцев, их договороспособности, желания (или нет) следовать геополитическим построениям своих иностранных союзников и т. п.

В разделе «В полном смысле кондотьер...» – политический портрет Теофила Лапиньского» авторы, опираясь на свидетельства современников, дают выразительную характеристику одной из наиболее и противоречивых и ярких фигур польской эмиграции. Лапиньский предстает перед нами, как человек умный и храбрый, но абсолютно беспринципный, военный профессионал, которому все равно, под какими знаменами воевать, не гнушавшийся самых циничных приемов, готовый продать свои услуги представителям совершенно противоположных сторон политического спектра, одновременно с этим имевший определенные политические симпатии (пристрастие к Австрии, ненависть к России). Впрочем, будучи человеком бывалым и достаточно проницательным, и он оказался, по его собственному признанию, жертвой своего доверия к представителям османского лагеря, которые сумели обвести вокруг пальца даже такого прожженного авантюриста.

Исследователи верно понимают значение Т. Лапиньского, как представителя «третьей силы», который должен был сблизить позиции таких двух главных антироссийских политических фигур Северо-Западного Кавказа середины XIX в., как Сефер-бей Заноко и наиб Шамиля Магомет-Амин. Здесь нет необходимости описывать саму деятельность Лапиньского, которая весьма наглядно представлена им самим [10]. Важно, что авторы верно указали на ключевые точки эпопеи Лапиньского на Северо-Западном Кавказе, оказавшего здесь со своими легионерами (наконец-то эти праздные обитатели стамбульских кофеен перешли от слов к делу) между «двух огней». Сефер-бей и Магомет-Амин олицетворяли те или иные влиятельные политические группировки Кавказа и Османской империи (ряда черкесских феодалов, связанных с частью османского «истеблишмента» и верхушку имамата Шамиля), занимавшие свои ниши в общественно-политической жизни Кавказа. Бурные перипетии «одиссеи» Лапиньского, на собственном опыте увидевшего драму движения части представителей горских народов, яркой чертой которой было противостояние указанных группировок, преследовавших свои цели, подчас весьма далекие от устремлений рядовых участников народно-освободительной войны, ознаменовались, в конечном счете, уходом польского авантюриста из Черкесии. И вот здесь-то и выяснился глубокий прагматизм кондотьера

Лапиньского, который обнажил свое истинное лицо¹. Он выступил с планом покорения Черкесии, предложенным российской администрации, который отличает жесткость и последовательное стремление очистить страну от местного населения (в чем они, между прочим, совпадали с известным российским военным деятелем Н.И. Евдокимовым). При этом весьма примечательны, по крайней мере, два момента из выделенных авторами рассматриваемой книги. Лапиньский предлагал прекратить сообщение с Турцией и ликвидировать торговлю с ней (в том числе, торговлю рабами). Именно это же самое до него рекомендовали еще С.М. Броневский и А.С. Пушкин. Теффик-бей (как звали Лапиньского турки) рекомендовал предоставить все средства для очистки прибрежной полосы от автохтонного населения, которое должно было быть перемещено в Османскую империю. Именно это и было сделано вскоре российскими властями, хотя морской транспорт в основе своей принадлежал иностранным перевозчикам, которые очень обогатились за счет возникшего «работорговческого бума» [5, с. 445]. Из затеи польского авантюриста, в итоге, ничего не вышло. Но показательное то, что, будучи готовым на любые прожекты, которые могли принести ему выгоду, он, как уже говорилось выше, питал, при всем том, глубокую и непримиримую ненависть к России и стремился разоблачать геополитические планы самодержавия, реальные или мнимые.

Это вытекает из 20 главы его книги, где Лапиньский рисует довольно-таки впечатляющую картину русской экспансии на Восток, эмоциональная атмосфера которой предвосхищает произнесенное в XX в. печальное знаменитое: «Русские идут!». Она характерна чертами, которые можно расценивать, с одной стороны, как параноидальную боязнь агрессии самодержавия, которое якобы стремится завоевать Китай, неся страшную опасность миру, с другой же, интересные и верные в целом наблюдения о различии западных и русских колоний. Специфика последних такова, что они, по сути, становятся органической частью России в отличие от западных. Т. Лапиньский, по большому счету, в чем-то оказался недалек от той логики формулирования отношений России со вновь присоединенными ей территориями, которая лежит в основе концепции «российскости», возникшей в отечественной историографии около 30 лет назад [2, с. 88–101]. Но, пожалуй, самое главное, что следовало бы почерпнуть из этой части труда польского авантюриста, так это то, какую роль в формировании будущей необъятной евразийской империи играет Кавказ. По мнению этого автора, геополитический центр Российской империи сместится на Каспийское море, после чего она станет еще более могущественной, что для Европы (в том числе и для Польши) станет

¹ Еще лучше помогает понять сущность данной личности книга Т. Лапиньского [10], впервые вышедшая в 1863 г., по горячим следам черкесской эпопеи рыцаря наживы. Это глубоко лицемерная и двуличная натура. В ряде мест своего произведения он восхваляет горцев, в других же, безо всякого стеснения называет их военные формирования то бандами, то сбродом. В этой связи неясно, чем руководствовался автор послесловия к нальчикскому изданию работы Лапиньского, А.Х. Бижев, который писал о взгляде того на адыгов, как человека, не отравленного шовинистическими идеями [1, с. 454].

фатальным. Независимость Кавказа, необходимость отрыва его от России, в связи с чем нужно всячески поддерживать все те силы, которые ведут здесь антироссийскую борьбу – вот ключевое звено рассуждений Лапиньского.

Ничего удивительного поэтому нет в том, что провал миссии Теффик-бея нисколько не поколебал устремления польских эмигрантов, направленные на поддержку тех горских группировок, которые были намерены продолжать противостояние с Россией.

В заключении к книге авторы совершенно логично обращаются к рассмотрению деятельности тех эмигрантских польских (и не только) сил, которые активно включились в борьбу против России на Северо-Западном Кавказе на заключительном этапе военных действий в крае. Речь идет об организации руководством польских эмигрантских сил вкупе с все тем же Д. Урквартом новых десантов в Черкесии в 1863 г., высадка которых особенно мотивировалась восстанием в Польше в начале этого года. Они были попыткой отвлечь внимание российских военных от польских дел, впрочем, не столько сами по себе (легионеры были весьма малочисленны), сколько должны были снова создать впечатление у черкесов, что могущественные государства Запада и Востока вот-вот придут им на помощь, и действительно реанимировать сопротивление местных племен российским войскам, а это, в самом деле, могло бы оттянуть военные силы России на Кавказ. Собственно, такие ожидания и имели место в среде черкесских представителей в Стамбуле, которые, как пишут авторы, были убеждены в том, что их судьбой озабочен как сам падишах (т. е. османский султан), так и другой «падишах», французский император, причем вкупе с английской королевой. «Помощь за границы» вновь стала активно разыгрываемой картой в политических интригах противников России. Десанты 1863 г. стали последними в череде неудачных попыток польской эмиграции, вдохновляемых британскими «спонсорами». Исследователи правы, указывая, что все эти акции были изначально обречены на провал. Сплотить извне пестрый состав сражавшихся с российской властью горцев в единый поток оказалось нереально как по ряду внутренних причин, так и потому, что те же поляки-инсургенты были временными попутчиками для северокавказцев. В самом деле, последние не видели и не могли видеть в них союзников, которые пришли бороться за «нашу и вашу свободу», в чем немаловажную роль играл конфессиональный фактор. Время для таких идей еще не пришло. Черкесы чаще захватывали тех же поляков в плен и превращали в рабов, что заметно отличало такое отношение от политики, проводимой в отношении перебежчиков из российской армии в имамате, руководство которого в силу своей большей продвинутой (это было первое государство в истории горцев Северного Кавказа; ничего подобного черкесам создать так и не довелось) прекрасно понимало значение «диссидентов» из вражеского лагеря.

Наконец, в завершающей части книги можно было бы указать и на то, что именно все названные маневры английской агентуры, польской эмиграции, и черкесских активистов ставили самодержавие и российское военное руководство

на Кавказе перед фактом – завершать военные действия в крае нужно решительно и всеми имеющимися средствами. Сторонником подобной политики, как было недавно показано Ю.Ю. Клычниковым, был Н.И. Евдокимов, убедивший императора Александра II, осуществлять ее, не считаясь с серьезными людскими потерями в российской армии.

Подводя итоги нашего анализа, не можем не указать, в первую очередь на то, что исследование Ю.Ю. Клычкова и С.С. Лазаряна имеет высокую актуальность. Вся последующая история XX и начала XXI в. показывают, что внешние силы стремились и стремятся оторвать Кавказ, особенно северную его часть, от Большой России. Геополитическая роль этого региона – солнечного сплетения Евразии (А.А. Жданов) велика как никогда. Великая битва за мировые природные ресурсы и выгодные трассы газопотоков ставят проблему стабильности на Кавказе во главу угла евразийской политики. Кризисные же явления все более активизируют социальные проблемы в России и странах ближнего зарубежья, что напрямую связано с тематикой общественно-политической борьбы, особенно заостренной ныне в виде «цветных» революций. Именно поэтому и в XIX в. и ныне агентура Запада, а также эмиссары исламизма, стремящиеся использовать религию в сугубо политических целях, пытаются вбить клин между Россией и народами региона. Они, как и 150 лет назад, стремятся запугивать население своих стран русской угрозой, живописуя Россию, как агрессора и воплощение всех негативных сил (вспомним пресловутую «империю зла»), порождая тем самым маниакальный страх перед нашей страной, что особенно важно для них в периоды важных политических событий (например, президентских выборов).

Авторы сумели квалифицированно продемонстрировать роль польской эмиграции в обострении ситуации на Северном Кавказе, которая играла провоцирующую роль в западной части Региона, Черкесии, стремясь консолидировать местные политические силы для организации сопротивления Российской империи. Они показали далеко идущие планы польских инсургентов, которые не только стремились добиться восстановления польской независимости (что само по себе было важной исторической задачей польского народа), но реализации этой задачи через развал Российского государства, что принесло бы неисчислимые беды народам нашей страны¹. В то же время ученые очень точно указали на то, что планы польской эмиграции в своей основе были утопическими, поскольку она была, за редким исключением, слабо знакома со спецификой Кавказа, его социокультурным и политическим устройством, ментальностью его народов и этнических групп,

¹ В то же время в недавней статье Ю.Ю. Клычкова было показано, что среди поляков служивших, например, в российском флоте в середине XIX в., было немало таких лиц, которые, как отмечает этот ученый, «будучи призваны в ряды армии и флота России оставались верными империи и вместе с сослуживцами честно и храбро осуществляли охрану и оборону южных рубежей страны» [8, с. 59–65].

и не отдавала себе отчета в том, что центробежные силы, на которые она пыталась опираться, в целом были гораздо слабее центростремительных, что особенно ярко выявилось в событиях XX в. (В.В. Дегоев, Р.Ю. Ибрагимов).

Книга Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна будет весьма полезна как историкам-профессионалам, так и всем тем, кто совершает первые шаги в науке, как работа, являющаяся примером синтеза проблематики всемирной истории и отечественного исторического регионоведения.

В ракурсе преподавания в высшей школе курсов по выбору о формировании историко-культурного партнерства народов Кубани важно указать и на то, что, как это ни парадоксально, но потомки польских эмигрантов XIX в., занимавших неодинаковые позиции по отношению к российским властям, живущие ныне на Кубани, составили основу современной польской общины края. История все расставила на свои места. Как верно отметила В.В. Цифанова, время заставило польских переселенцев направить свою энергию на обретение материального и социального благосостояния, которые были достигнуты с помощью социально-экономической, лингвистической и культурной адаптации [13]. Представители польской интеллигенции обогатили своими трудами научный потенциал России [14]. Те, предки которых были не только лояльными Российскому государству, но и боролись против него, сегодня вносят свой вклад в дело строительства новой России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бижев, А. Х. Присягнувшие свободе / А. Х. Бижев. – Текст : непосредственный // Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. – Нальчик : Эль-Фа, 1995. – С. 445–459.
2. Великая, Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. – 2007. – № 45. – С. 88–101.
3. Великая, Н. Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7 / Науч. ред., сост. О. В. Матвеев. – Краснодар : Эдви, 2013. – С. 84–91.
4. Великая, Н. Н. Православные традиции и православная церковь в Закубанье в XVII – первой половине XIX века / Н. Н. Великая, С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Очерки истории мировых религий на Северном Кавказе. – Армавир–Ставрополь, 2019. – С. 39–53.
5. Дегоев, В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия / В. В. Дегоев. – М. : Рубежи XXI, 2009. – 560 с. – Текст : непосредственный.
6. Клычников, Ю. Ю. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск, 2018. – 84 с. – Текст : непосредственный.
7. Клычников, Ю.Ю. «Польские инсургенты в рядах „немирных горцев“» / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск : ПГУ, 2019. – 90 с. – Текст : непосредственный.

8. Клычников, Ю. Ю. Польский след на черноморском фронтире Кавказа (по материалам РГА ВМФ) / Ю. Ю. Клычников. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 59–65.
9. Кругов, А. И. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829–1859 / А. И. Кругов, М. В. Нечитайлов. – М. : Русские витязи, 2016. – 176 с. – Текст : непосредственный.
10. Лапинский, Т. (Теффик-бей). Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Т. Лапинский. – Нальчик : Эль-Фа, 1995. – 463 с. – Текст : непосредственный.
11. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру : историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар : Эдви, 2015. – 272 с. – Текст : непосредственный.
12. Соснина, Е., при участии Кристиана Пиле. Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. / Е. Соснина. – Эссенуки : Творческая мастерская БЛГ, 2015. – 336 с. – Текст : непосредственный.
13. Цифанова, И. В. Польские переселенцы в Кавказской войне XIX в. / И. В. Цифанова. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531 (дата обращения: 04.12.21). – Текст : электронный.
14. Цифанова, И. В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Цифанова. – Ставрополь, 2005. – 25 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bizhev A.Kh. Prisyagnuvshie svobode [Sworn to freedom]. *Lapinskiy T. (Teffik-bey). Gortsy Severnogo Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkaztsev = Lapinsky T. (Teffik-bey). Gortsy of the North Caucasus and their Liberation Struggle against the Russians. Description of an Eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-Bey), Colonel and Commander of the Polish Detachment in the Country of Independent Caucasians.* Nalchik, El-Fa, 1995, pp. 445–459. (In Russian).
2. Velikaya N.N. Rossiyskost' kak paradigma izucheniya rossiysko-kavkazskogo edinstva [Russian statehood as a paradigm for the study of Russian-Caucasian unity]. *Aktual'nye i diskussionnye problem istorii Severnogo Kavkaza. Yuzhnorossiyskoe obozrenie = Relevant and Controversial Problems of the History of the North Caucasus.* *South Russian Review*, Rostov-on-Don, 2007, No. 457, pp. 88–101. (In Russian).
3. Velikaya N.N. Plennye slavyane v gorakh Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captured Slavs in the mountains of the North-West Caucasus]. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza = The World of the Slavs of the North Caucasus*, Krasnodar, Edvi, 2013, iss. 7, pp. 84–91. (In Russian).
4. Velikaya N.N., Dudarev S.L. Pravoslavnye traditsii i pravoslavnaya tserkov v Zakuban'e v XVII – pervoy polovine XIX veka [Orthodox traditions and the Orthodox Church in Trans-Kuban region in the 17th – first half of the 19th century]. *Ocherki istorii mirovykh religiy na Severnom Kavkaze = Essays on the History of World Religions in the North Caucasus*, Armavir–Stavropol, 2019, pp. 39–53. (In Russian).
5. Degoev V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy 1829–1864 gg. Politika, voyna, diplomatiya* [Caucasus and the great powers of 1829–1864. Politics, war, diplomacy]. Publishing House "Rubezhi XXI", 2009. – 560 p.

6. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. "Nabezhavshimi khishchnikami vzyat v plen...": polyaki v nevole u gortsev Severnogo Kavkaza ["Captured by predators who came running ...": Poles in captivity among the gortsy of the North Caucasus]. Pyatigorsk, 2018. 84 p.
7. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. "Polskie insurgenty v ryadakh "nemirnykh gortsev" [Polish insurgents in the ranks of the "non-peaceful gortsy"]. Pyatigorsk, PSU, 2019. 90 p.
8. Klychnikov Yu.Yu. Polskiy sled na chernomorskom frontire Kavkaza (po materialam RGA VMF) [Polish trace on the Black Sea frontier of the Caucasus (based on the materials of the RSA of the Navy)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and Legal Research*, 2021, No. 4, pp. 59–65. (In Russian).
9. Krugov A.I., Nechitaylov M.V. *Vooruzhennyye sily imamate gortsev Severnogo Kavkaza 1829–1859* [Armed forces of the imamate of the gortsy of the North Caucasus 1829–1859]. Moscow, Fund "Russkie vityazi", 2016. 176 p.
10. Lapinskiy T. (Teffik-bey). *Gortsy Severnogo Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyykh kavkaztsev* [Gortsy of the North Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of an eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-Bey), Colonel and Commander of the Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Nalchik, El-Fa, 1995. 463 p.
11. Matveev O.V. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi, 2015. 272 p.
12. Sosnina E., Pile C. *Frantsuzy na Kavkaze. Istoricheskie i zhivopisnye puteshestviya XIII–XIX vv.* [The French in the Caucasus. Historical and scenic travels of the XIII–XIX centuries]. Essentuki, BLG, 2015. 336 p.
13. Tsifanova I.V. *Polskie pereselentsy v Kavkazskoy voyne XIX v.* [Polish settlers in the Caucasian War of the 19th century]. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531. (In Russian).
14. Tsifanova I.V. *Polskie pereselentsy na Severnom Kavkaze v XIX veke: osobennosti protsessy adaptatsii* [Polish settlers in the North Caucasus in the 19th century: features of the adaptation process]. Cand. diss. abstract. Stavropol, 2005. 25 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. Польская эмиграция на Северо-Западном Кавказе в первой половине – середине XIX в. и ее место в формировании историко-культурного партнерства народов Кубани / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 149–160.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. Polish Emigration in the Northwestern Caucasus in the First Half – Middle XIX Century and Its Place in the Formation of Historical and Cultural Partnerships of the Peoples of Kuban / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 149–160. (In Russian).